

Цивилизационный анализ в исторической социологии и объяснения «советского коллапса»

Михаил В. Масловский

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург,
Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-1323-0935

Рекомендация для цитирования:

Масловский М. В. (2024)
Цивилизационный анализ
в исторической социологии
и объяснения «советского
коллапса».
Социология власти, 36 (3): 60-76
<https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-3-60-76>

For citations:

Maslovskiy M. V. (2024) Civilizational
Analysis in Historical Sociology
and Explanations of the "Soviet
Collapse". *Sociology of Power*, 36 (3):
60-76
<https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-3-60-76>

Поступила в редакцию: 30.07.2024;
прошла рецензирование:
16.09.2024; принята в печать:
19.09.2024
Received: 30.07.2024; Revised:
16.09.2024; Accepted for publication:
19.09.2024

This article is an open access article
distributed under the terms and
conditions of the Creative Commons
Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© 2024 by the author.

Статья посвящена анализу попыток объяснения крушения советской версии модерна и распада СССР в (пост)советологии и исторической социологии. Отмечается, что исследования (пост)советологов, как правило, отличались определенной степенью идеологической ангажированности. Пример «советского коллапса» использовался ими для подтверждения ранее сформулированных подходов к изучению советской истории. Вместе с тем во многих случаях в фокусе их внимания оказывались ближайшие предпосылки этого события, но не долгосрочные исторические процессы. Преодолеть недостатки такого подхода позволяет обращение к исторической социологии. В статье рассмотрены прогноз распада СССР, предложенный Р. Коллинзом, и анализ советской версии модерна в трудах Й. Арнасона. Оба социолога характеризовали советский коллапс в контексте длительной исторической динамики. Если неовеберианская концепция Коллинза демонстрирует определенный геополитический детерминизм, то Арнасон выделяет многообразные факторы динамики альтернативной версии модерна. В первой половине 1990-х гг. Арнасон использовал применительно к советской

Статья подготовлена в рамках проекта РНФ 23-18-01067 «Образы, концепты, проекты и модели цивилизационного развития российского общества». Acknowledgements: The article was prepared within the framework of the RSF project 23-18-01067 "Images, concepts, projects and models of civilizational development of Russian society".

системе свою модель имперской модернизации, но в дальнейшем он в большей степени подчеркивал цивилизационные аспекты коммунистической версии модерна. Это проявилось и в его оценке крушения советской модели модерна. В литературе, посвященной «советскому коллапсу», нередко встречается противопоставление СССР и Китая, причем акцент обычно делается на структурных и в особенности экономических факторах. Но, как указывается в статье, для целостного понимания происходивших в Китае трансформационных процессов требуется обращение к сфере культуры, на чем настаивает социологический цивилизационный анализ.

Ключевые слова: историческая социология, цивилизационный анализ, советология, коммунизм, модерн, СССР, Китай

Civilizational Analysis in Historical Sociology and Explanations of the “Soviet Collapse”

Mikhail V. Maslovskiy

Sociological Institute of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-1323-0935

61

The article deals with attempts to explain the collapse of the Soviet version of modernity — and the disintegration of the USSR — in (post)-Sovietology and historical sociology. It is argued that (post)-Sovietological studies were often characterized by a certain degree of ideological bias. In these studies, the example of “Soviet collapse” was generally used for a confirmation of earlier approaches to Soviet history. At the same time, they mostly focused on the immediate preconditions of that event rather than on long-term historical processes. The shortcomings of this approach can be overcome if we draw on historical sociology. The article considers the prediction of disintegration of the USSR offered by Randall Collins and Johann Arnason’s analysis of the Soviet version of modernity. Both sociologists characterized the Soviet collapse in the context of long-term historical dynamics. While Collins’s approach demonstrates a peculiar geopolitical determinism, Arnason singles out various factors of the dynamics of the alternative version of modernity. In the first half of the 1990s, Arnason applied his model of imperial modernization to the Soviet system, but later emphasized the civilizational aspects of communist modernity. This can also be seen in his evaluation of the Soviet collapse. In the literature on Soviet collapse, a contrast between the USSR and China is often highlighted, with structural and particularly economic factors being commonly highlighted. In contrast, the article argues that — for a comprehensive understanding of transformation processes in China — we need to consider the cultural sphere by drawing on sociological civilizational analysis.

Keywords: historical sociology, civilizational analysis, sovietology, communism, modernity, USSR, China

Введение

Крушение советской системы, сопровождавшееся распадом СССР, относится к числу наиболее мифологизированных событий истории XX столетия. В политической публицистике, посвященной этой теме, широко представлены разного рода теории заговора. В то же время в серьезной академической литературе объяснения причин «советского коллапса» часто оказываются в большей или меньшей степени идеологически ангажированными. Это характерно как для работ отечественных авторов, так и для зарубежных исследований. Если российских историков, политологов и социологов данный сюжет по-прежнему задевает за живое, то некоторые из их западных коллег стремятся использовать пример краха советской системы для подтверждения собственных идеологически окрашенных подходов. Однако каковы бы ни были идеологические предпочтения авторов соответствующих работ, в большинстве случаев их отличает акцент на ближайших предпосылках советского коллапса и недостаток внимания к долгосрочным историческим процессам.

62

Преодолеть некоторые из возникающих в результате этого проблем, по-видимому, позволяют подходы современной исторической социологии, для которой события рубежа 80–90-х годов XX века уже могут считаться легитимным объектом изучения. В данной статье основное внимание уделено цивилизационному анализу в исторической социологии, представленному трудами Й. Арнасона. Вместе с тем принимаются во внимание более материалистически ориентированный подход Р. Коллинза и работы историков, не чуждых определенных теоретических обобщений. В первой части статьи рассмотрены дискуссии представителей западной (пост)советологии по проблеме советского коллапса. Вторая часть посвящена обсуждению данной проблемы в рамках геополитического анализа Коллинза и цивилизационного анализа Арнасона. В третьей части с позиций цивилизационного подхода характеризуется трансформация альтернативного коммунистического модерна в Китае.

Интерпретации «советского коллапса» в (пост)советологии

На протяжении 1990-х гг. западные советологи, постепенно пере-квалифицировавшиеся в «транзитологов», неоднократно предпринимали попытки дать объяснение крушению коммунистической системы в СССР, которое сопровождалось распадом единого государства. В ходе развернувшейся по этому поводу дискуссии в очередной раз проявилось противостояние двух направлений (пост)

советологии: теории тоталитаризма и ревизионистской социальной истории. Сторонники тоталитарной модели, как М. Малиа и Р. Пайпс, считали, что «советский коллапс» послужил подтверждением их взглядов на характер коммунистического режима как монолитного, репрессивного, но в конечном итоге противоестественного. С точки зрения тоталитарной парадигмы подобный режим мог сохраняться лишь благодаря постоянному подавлению общества структурами государственной власти, тогда как ослабление тоталитарного контроля приводило к кризису и распаду коммунистической системы [Rowley 2001]. В отличие от этого в ревизионистской социальной истории ставилась под сомнение степень контроля государства над различными сферами социальной жизни в СССР, а также выделялись черты сходства между странами реального социализма и западными обществами [Fitzpatrick 2007]. Отмечалось, что крушение советской системы подорвало позиции таких сторонников ревизионистского подхода, как М. Левин, ожидавших в годы перестройки, что СССР будет успешно реформирован в духе «демократического социализма» [Rowley 2001: 414]. Однако не все представители ревизионистского направления разделяли эти иллюзии.

В любом случае требовалось проводить различие между двумя не совпадавшими процессами: крушением коммунистической системы и распадом СССР на составлявшие его республики. При этом ряд западных исследователей отмечали тот факт, что на момент распада СССР его политическая система уже определенно не соответствовала классическим признакам тоталитарного режима. С такой точки зрения демонтаж коммунистической системы был более длительным и постепенным процессом, чем дезинтеграция формально федеративного советского государства. Можно утверждать, что «преобразование тоталитарной системы в плюралистическую демократию произошло до того, как национальный сепаратизм развалил Союз» [Ibid.: 415]. В то же время, по мнению ряда сторонников ревизионистского подхода, сам факт распада СССР еще не означал его исторической обреченности, поскольку сыграли свою роль случайные исторические события.

В 1990-е гг. противостоявшую теории тоталитаризма социальную историю в качестве ведущего направления исследований постепенно замещала новая культурная история, которую Ш. Фицпатрик характеризует как «постревизионизм». Особенности этого подхода заключались в «изучении субъективных измерений советского опыта и новом понимании того, что идеология имеет значение» [Fitzpatrick 2007: 87-89]. В частности, С. Коткин стремился показать, как в годы первых пятилеток происходило формирование новой социалистической цивилизации [Kotkin 1995]. При этом делался акцент на наличии «особого» культурного измерения советской со-

временности” — “мощного кластера” марксистско-большевистских символов, понятий, установок и даже форм речи, которые хлынули в политическую культуру в 1920–1930-е годы» [Крылова 2016: 123]. В целом Коткин и те, кто за ним последовал, расценивали коммунистическую идеологию «как коллективный социальный конструкт, а не нечто, навязанное режимом» [Fitzpatrick 2007: 88].

Как демонстрирует М. Дэвид-Фокс, в рамках нового направления в изучении советской истории, в свою очередь, выделились модернистский и неотрадиционалистский подходы. Если сторонники модернизма рассматривали осуществлявшиеся в соответствии с проектом коммунистического модерна процессы социальной трансформации, то последователи неотрадиционализма обсуждали воссоздание структур традиционного общества как непредвиденный результат столкновения большевистского проекта с российской действительностью. В фокусе внимания сторонников обоих подходов находился период до 1953 года, тогда как в работах, посвященных постсталинской советской системе, ее современный характер обычно принимался как данность «в силу того, что СССР в то время был высокоразвитой промышленной и урбанизированной ядерной супердержавой» [Дэвид-Фокс 2016: 37]. Но следует отметить, что исследования представителей постревизионизма, как правило, были «в очень слабой степени связаны с событиями, происходившими во внешнем мире» [Fitzpatrick 2007: 79], включая советский коллапс и его ближайшие последствия.

Лишь в начале 2000-х гг. ведущий представитель постревизионистского направления С. Коткин осуществил анализ последних двадцати лет существования СССР и процесса распада советской системы. В своей книге «Предотвращенный Армагеддон» он обсуждал проблемы, которые накапливались в СССР по крайней мере с начала 1970-х годов. В частности, он сфокусировал внимание на устаревшей индустриальной инфраструктуре и изменявшейся геополитической ситуации. В работе Коткина в особенности подчеркивались значение структурных трансформаций и роль советской политической элиты. Американский историк охарактеризовал сложившееся под влиянием «социалистического идеализма» новое поколение партийных деятелей во главе с М. С. Горбачевым. Одна из основных задач книги Коткина заключалась в том, чтобы «объяснить, как и почему советская элита разрушила собственную систему» [Коткин 2018: 15].

Коммунистическая идеология выходит на первый план в исследовании Коткина, когда речь идет о взглядах Горбачева и других деятелей перестройки, искренне веривших, по мнению историка, в возможность гуманного, демократического социализма. Коткин подчеркивает, что в решении начать перестройку и в том, какую

форму она приняла, проявилось стремление советского руководства «осуществить социалистические идеи, возродить партию и вернуться к воображаемым идеалам Октября» [Там же: 38]. Что же касается широких слоев советских граждан, американский историк лишь довольно кратко описывает изменения в их мировосприятии, происходившие в том числе под воздействием западной потребительской культуры. В целом, хотя Коткин признавал влияние на динамику советского государства многообразных факторов, изменения в сфере культуры не были в достаточной степени отражены в его работе. Если в своем более раннем анализе «сталинизма как цивилизации» Коткин, как уже отмечалось, делал акцент на культурном измерении формировавшегося советского модерна, то при обсуждении его коллапса не был представлен сопоставимый анализ упадка коммунистической идеологии. Такого рода анализ содержится в исследовании А. Юрчака, в котором рассматриваются предпосылки распада советской системы на микроуровне повседневной жизни [Юрчак 2014].

Подробный перечень возможных причин советского коллапса приводит в одной из своих работ Р. Саква. Как отмечает этот политолог, дискуссии вокруг событий 1991 года фокусировались на вопросе о том, почему советское государство, одержавшее победу над нацистской Германией и достигшее к середине 1970-х гг. стратегического паритета с США, рухнуло «столь стремительно» [Sakwa 2013: 66]. Для ответа на данный вопрос привлекались многообразные причины. В целом были выделены различные экономические, политические и идеологические факторы, а также последствия роста межэтнических противоречий, роль политического лидерства, деятельность общественных движений и влияние Запада [Ibid.: 66-71]. В конечном итоге Саква приходит к выводу, что ни один из указанных факторов не может считаться решающим, но лишь их сочетание позволяет объяснить крушение советской системы. Тем не менее фундаментальной причиной такого крушения стала, по его мнению, неудавшаяся попытка создания альтернативного модерна. Но для лучшего понимания особенностей динамики и краха советской модели модерна требуется обратиться к подходам исторической социологии.

Историческая социология о распаде СССР и крушении советской модели модерна

Хотя по меркам исторической социологии советский коллапс сравнительно недавнее событие, этот процесс был рассмотрен некоторыми ведущими представителями данного направления как эпизод длительной исторической динамики. В частности, Р. Коллинз, разработавший неовеберовскую концепцию легитимности госу-

дарственной власти [Collins 1986; Масловский 2008], предвосхитил распад СССР за несколько лет до того, как он фактически произошел. В своих работах 1980-х гг. Коллинз выделял роль геополитических факторов в жизни различных государств, включая Российскую империю и СССР. В то же время американский социолог не считал идеологию независимой переменной, поскольку в конечном счете она, по его мнению, следует за геополитикой. Как утверждал Коллинз: «Современные политические идеологии, подобные коммунизму, демонстрируют геополитическую структуру, сходную с такими религиями, как христианство или ислам, в которых ереси и расколы возникали по линии геополитического антагонизма» [Collins 1986: 207]. Своеобразный геополитический детерминизм получил отражение и в предложенном им прогнозе распада СССР. Впервые Коллинз выступил с этим прогнозом в 1980 году в своих докладах в Йельском, Колумбийском и ряде других американских университетов, что встретило «повсеместно отрицательную» реакцию со стороны советологов [Коллинз 2008: 6-7]. Публикация его статьи, посвященной данной проблеме, в сборнике «Веберианская социологическая теория» в 1986 году осталась в тот момент практически незамеченной. Тем не менее Коллинз оказался более проницательным, чем проигнорировавшие его прогноз советологи.

Согласно Коллинзу, чрезмерное расширение территории «советской империи» (включая находившиеся в сфере влияния СССР страны Восточной Европы) привело к ресурсному напряжению, которое создавало условия для государственной дезинтеграции. Он указывал в этой связи: «Особое сочетание событий может даже привести к стремительной утрате территорий в течение ближайших тридцати лет, а в XXI веке вероятность упадка становится очень высокой» [Collins 1986: 187]. Как подчеркивал Коллинз, успех попытки любого из советских сателлитов в Восточной Европе выйти из-под контроля СССР означал бы значительный рост шансов на подобный сценарий и в соседних странах [Ibid.: 202]. Более того, с потерей Восточной Европы «были бы запущены кумулятивные процессы внутреннего ослабления, ведущие к утрате следующего пояса этнически своеобразных регионов: балтийских государств, Украины, Кавказа, среднеазиатских мусульманских территорий» [Ibid.: 203]. По мнению американского социолога, вероятным сценарием распада Советского Союза стал бы «внутренний раскол русского коммунизма на территориально локализованные ереси или фракции» [Ibid.: 207]. Можно предположить, что Коллинз представлял себе что-то вроде отделения от СССР, где сохранялся бы советский режим, например, еврокоммунистической Прибалтики или маоистской Средней Азии. Во всяком случае именно такова была логика предложенного им подхода. Тем не менее реальный ход исторических событий ока-

зался совсем иным. Но Коллинз стремился объяснить, прежде всего, распад единого советского государства, а не крушение советской версии модерна.

Следует отметить, что в своих более поздних работах Коллинз ссылается на понятие цивилизации. Американский социолог характеризует цивилизации как «зоны престижа и социальных контактов» [Collins 2001]. С одной стороны, цивилизация выступает как источник самоидентификации для принадлежащих к ней индивидов; с другой стороны, она является центром притяжения для тех, кто находится за ее пределами. В данном случае Коллинз опирается не столько на свой анализ геополитической динамики, сколько на собственные исследования социальных сетей, в особенности распространения различных философских и научных направлений. Использование цивилизационного подхода добавляет в концепцию Коллинза культурное измерение и несколько смягчает геополитический детерминизм, характерный для его более ранних исследований по исторической макросоциологии. Однако к объяснению советского коллапса с учетом цивилизационного фактора этот социолог уже не обращается.

С позиций современного цивилизационного анализа в исторической социологии динамику и крушение советской версии модерна рассмотрел Й. Арнасон. В 1993 году была опубликована его книга «Неудавшееся будущее: происхождение и судьбы советской модели» [Agnason 1993], которая содержала такой анализ. В дальнейшем Арнасон неоднократно возвращался к проблематике коммунистического модерна. В частности, он рассмотрел распространение советской модели как форму глобализации, а также охарактеризовал формирование специфической версии коммунистического модерна в Китае. В своей новейшей работе, посвященной теории модерна, он расширяет сравнительный анализ советского и китайского коммунизма [Agnason 2020]. Как указывает В. Шпон, Арнасон сформулировал «оригинальный цивилизационный подход к изучению коммунистических режимов в России и других регионах мира, который заслуживает дальнейшего теоретического развития и проведения сравнительных исследований» [Spohn 2011: 30]. Осуществленный Арнасоном анализ советской версии модерна получил отклик и в работах отечественных социологов [Браславский, Масловский 2014; Карасев 2021; Maslovskiy 2023].

Уже в своей книге «Неудавшееся будущее» Арнасон отмечал особенности российской традиции, сочетавшей «периферийное положение в западном мире с некоторыми чертами особой цивилизации», что способствовало формированию установки, соединявшей «отрицание западного модерна с претензиями на то, чтобы превзойти его» [Agnason 1993: 18]. С точки зрения этого социолога, сравни-

тельное изучение коммунистических проектов и режимов является одним из наиболее многообещающих путей для включения проблематики множественных модернов в социологический цивилизационный анализ [Arnasón 2003: 335]. В рамках данного подхода Арнасон исследовал глобальную динамику коммунистической модели модерна. По его мнению, «разрывы и мутации, которые преобразовали большевистскую субкультуру в новый социальный строй, могут рассматриваться также как поворотные точки в длительном процессе взаимодействия России и Запада. В результате усиления контактов и более широких заимствований отношение России к западному миру приобрело черты цивилизационного столкновения и конфликта» [Арнасон 2021: 247].

68

В ряде своих работ Арнасон обращает внимание на цивилизационные аспекты советской модели модерна. Он подчеркивает, что советская система определяла себя как альтернативу западному модерну — в экономической, политической и культурной сферах. Капиталистическая экономика заменялась плановой экономикой, несмотря на сохранение некоторых элементов рыночного обмена. На смену западной модели демократии должна была прийти социалистическая или народная демократия. В сфере культуры коммунистическая идеология претендовала на роль подлинно научной доктрины, преодолевшей ограниченность буржуазных идей. При этом претензии на создание новой цивилизации, превосходящей западный модерн, играли ключевую роль в советском идеологическом арсенале. Тем не менее Арнасон характеризует советскую модель модерна как обладавшую лишь некоторыми цивилизационными чертами, не получившими полного развития. Но он указывает на признаки межцивилизационного взаимодействия, характеризуя конфликты внутри социалистического лагеря и, прежде всего, взаимоотношения СССР и Китая.

Обращаясь к анализу перестройки в СССР, Арнасон не принимает точку зрения тех исследователей, кто рассматривал процесс реформ как следствие развития гражданского общества. По его мнению, реформистское руководство страны отнюдь не действовало в соответствии с запросами гражданского общества, но следовало собственной стратегии [Arnasón 1993: 210]. Реформаторы были убеждены в том, что в коммунистическую модель можно было вдохнуть новую жизнь. «Сама идея гласности в ее радикальном смысле, то есть принятия общественной дискуссии об истории и состоянии советского общества, отражала оптимистический взгляд на советскую культуру как устоявшуюся традицию и ее потенциал саморефлексии. Подобным же образом поразительное непонимание и недооценка национальных проблем со стороны руководства могут быть объяснены лишь как результат веры в объединяющую и асси-

милирующую мощь советской социокультурной модели. Кажется вероятным, что непоследовательность новой экономической политики Горбачева была обусловлена теми же причинами: пока общие цивилизационные рамки казались прочными, возникало искушение экспериментировать с разными подходами в различных сферах» [Арнасон 2021: 208-209].

В конечном итоге, согласно Арнасону, советский коллапс был вызван целым комплексом экономических, политических и культурных факторов. Он полагает, что данный пример служит «особенно наглядным свидетельством неадекватности монокаузальных объяснений» [Arnason 2020: 140]. В то же время концепция Арнасона не вписывается в классификацию подходов к объяснению коллапса СССР, представленных в советологической литературе. Отмечалось, что этот социолог был в числе тех, кто «положил начало переходу от тоталитарной к имперской концептуализации советского режима» [Rowley 2001: 420]. Однако такая характеристика является неполной. Хотя в первой половине 1990-х гг. Арнасон использовал применительно к советской системе свою модель имперской модернизации, в дальнейшем он в большей степени выделял цивилизационные аспекты коммунистической версии модерна. Это проявилось и в его оценке крушения советской модели.

69

Значение социологического цивилизационного анализа для понимания причин советского коллапса подчеркивает Р. Саква. По мнению этого политолога, цивилизационная теория Эйзенштадта и Арнасона в большей степени применима для объяснения долгосрочных тенденций развития советского общества, чем мейнстримные советологические подходы. В целом Саква соглашается с Арнасоном в том, что «советский эксперимент» представлял собой неудавшуюся попытку создания «альтернативного модерна» [Sakwa 2013: 74]. В таком случае советская система может рассматриваться не как антимодернистская, но как модернизированная «неправильным образом» (mismodernised). Следуя за Арнасоном, британский политолог указывает, что советская адаптация к вызовам модерна «не привела к выработке последовательной стратегии, позволяющей справиться со всей совокупностью этих вызовов» [Ibid.: 75]. В конечном итоге альтернативный модерн в его советской версии оказался нежизнеспособным. Однако иная ситуация сложилась в коммунистическом Китае.

Возвышение Китая: трансформация альтернативного модерна и роль цивилизационного фактора

В Китае, что отличает его от СССР и Восточной Европы, оказалась возможной постепенная трансформация коммунистической модели

модерна. Однопартийный коммунистический режим в Китае уже превзошел советский режим по длительности своего существования. Более того, период после крушения советской версии модерна отмечен стремительным экономическим ростом Китая. Как отмечает в этой связи М. Манн, «после одной опрометчивой попытки, чуть было не обернувшейся катастрофой, китайские коммунисты сумели найти экономическое решение, которое позволило им избежать новых революционных потрясений, обеспечило стабильный экономический рост и вернуло стране исторический статус азиатского гиганта» [Манн 2018: 322]. Противопоставление СССР и Китая довольно часто встречается в литературе, посвященной советскому коллапсу, причем акцент, как правило, делается на структурных и экономических факторах. Так, С. Коткин подчеркивает, что успех китайских реформ, начатых Дэн Сяопином, был во многом обусловлен огромным объемом прямых иностранных инвестиций, причем инвесторами выступали главным образом зарубежные китайцы, тогда как у России «не было своих Гонконга и Тайваня» [Коткин 2018: 183]. Но сугубо экономический подход к анализу причин возвышения Китая, по-видимому, является недостаточным. Для целостного понимания происходивших в Китае трансформационных процессов требуется обращение к сфере культуры, на чем настаивает социологический цивилизационный анализ.

70

Й. Арнасон выделяет три отличия СССР от коммунистического Китая. Во-первых, у Китая не было внешней периферии в виде союзных республик и других социалистических государств. Во-вторых, китайская версия альтернативного модерна соединяла собственный имперский опыт с уже существующим опытом советской модели. В-третьих, Китай «более бережно относился к собственным традициям и более умело комбинировал их» [Титаренко 2022: 86]. Однако следует отметить, что о бережном отношении к собственным традициям едва ли возможно говорить в период правления Мао Цзэдуна. Характерно, что последняя крупная идеологическая кампания, развернутая при жизни Мао, была направлена против конфуцианского влияния. Тем не менее вскоре после смены политического курса в конце 1970-х гг. были подвергнуты переоценке некоторые элементы конфуцианской традиции, занявшие заметное место в официальном дискурсе.

В целом модернизационная траектория китайского коммунизма демонстрирует «особенно сложное сочетание антитрадиционализма, преемственности и возврата к традиционным истокам» [Arnason 2020: 3]. Новый поворот к конфуцианству в идеологической политике КПК намечился в 2005 году, когда лидер партии Ху Цзиньтао указал на значение конфуцианского идеала социальной гармонии и призвал партийные кадры к построению гармоничного об-

щества. Хотя в 2011 году после дискуссии в партийном руководстве статуэтку Конфуция убрали с площади Тяньаньмэнь, уже через три года Си Цзиньпин стал первым лидером страны коммунистического периода, публично отмечавшим годовщину смерти Конфуция. В настоящее время партийные функционеры должны посещать лекции по конфуцианской философии, а тексты Конфуция изучаются в системе школьного образования. При этом в заявлениях китайских официальных лиц ссылки на конфуцианские идеи широко используются для иллюстрации стремления Китая к более гармоничному миру [Coker 2019: 105].

Согласно получившей широкую известность формуле Л. Пая, Китай представляет собой «цивилизацию, притворяющуюся национальным государством» [Pye 1992: 232]. Как отмечает К. Коукер, в случае Китая мы имеем дело с цивилизацией, которая не только превосходит все другие по длительности непрерывного существования, но и является наиболее самодостаточной в культурном отношении. В данном случае может вызывать удивление не само по себе утверждение о том, что Китай является цивилизационным государством, «а тот факт, что потребовалось так много времени для появления этого утверждения» [Coker 2019: 98]. Но, хотя китайское руководство «настойчиво возрождает конфуцианство», следует учитывать, что традиция конфуцианства пересекается и конкурирует «с альтернативными традициями даосизма, буддизма, ислама, христианства, народной религиозности, атеизма и секуляризма» [Katzenstein 2012: 10]. Кроме того, акцент исключительно на наследии религиозных традиций приводит к недооценке сохраняющегося в Китае влияния альтернативной модели модерна.

С точки зрения П. Катценштейна, возвышение Китая не является «ни историческим разрывом, ни возвращением в историю. Вместо этого мы можем распознать в этом возвышении рекомбинацию старых и новых паттернов и компонентов» [Ibid.: 6]. Как полагает Арнасон, в постмаоистском Китае сочетание паттернов капиталистического развития, элементов марксистско-ленинской политической практики и идеологии, а также избирательного возрождения конфуцианского наследия и имперской традиции является чем-то большим, чем вариант советской модели. В официальной идеологии КПК используется такой термин, как «социализм с китайской спецификой». В данном случае понятие социализма подчеркивает преемственность истории Китая после 1949 года, а ссылка на соответствующую специфику может относиться «к традициям китайской цивилизации, современному китайскому национализму или усилению Китая на мировой арене» [Arnason 2020: 170]. Но в любом случае партия определяет, что именно должно считаться такого рода спецификой. Как отмечает Й. Терборн, буду-

щее покажет, насколько успешным может оказаться союз между коммунистической партией и «возрожденной неоконфуцианской цивилизацией» [Therborn 2021: 239].

В конечном итоге происходившие в последние десятилетия в Китае экономические и социальные процессы требуют определенного изменения сложившегося восприятия коммунистического модерна. С точки зрения Арнасона, следует пересмотреть события конца XX в., которые воспринимались как повсеместное крушение коммунизма или свидетельство неизбежности этого крушения. «Воссоединение Китайской империи под коммунистическим правлением являлось ключевым фактором построения и реструктуризации государства развития; китайский опыт, следовательно, имеет решающее значение для оценки исторического наследия коммунизма» [Arnason 2020: 183]. Как полагает этот социолог, в долгосрочной перспективе воссоздание китайского государства на основе заимствования и адаптации советской модели может оказать большее влияние на ход мировой истории, чем формирование и динамика данной модели в российском контексте.

72

Тем не менее остается неясным, в какой мере сегодняшний Китай может расцениваться как пример альтернативного модерна. «Общепризнанно, что идеологические претензии и глобальные амбиции китайского режима, насколько можно судить по их открытым проявлениям, далеки от советских прецедентов периода холодной войны, однако наблюдатели отмечают растущую тенденцию противопоставлять успехи Китая упадку Запада и указывать на китайский путь как на образец для развивающихся стран» [Арнасон 2022: 105]. В любом случае требуются как дальнейшая разработка концепции альтернативного модерна, так и более детальный анализ происходящих в Китае социальных процессов с позиций данной концепции.

Заключение

В работах представителей различных течений (пост)советологии, посвященных проблеме советского коллапса, как правило, проявлялись идеологические предпочтения их авторов. В 1990-е гг. сторонники теории тоталитаризма и ревизионистской социальной истории продолжали вести дискуссии о характере советской системы, опираясь на ранее сформулированные подходы и лишь распространяя их на анализ предпосылок ее крушения. Однако с середины 1990-х гг. складывается новое постревизионистское направление в изучении советского общества. Сторонники данного подхода в целом оказались менее идеологически ориентированными, чем их ближайшие предшественники. Ведущий представитель пост-

ревизионизма С. Коткин признавал влияние на динамику советского государства преимущественно структурных факторов. Однако изменения в сфере культуры не были в достаточной степени отражены в его книге «Предотвращенный Армагеддон», в отличие от его более раннего анализа сталинизма как цивилизации.

Среди исследований исторических социологов, затрагивающих проблему крушения советской системы и распада СССР, особого внимания заслуживают труды Р. Коллинза и Й. Арнасона. Но следует учитывать, что Коллинз, предложивший прогноз распада СССР, не предвидел возможности коллапса коммунистической версии модерна. Согласно Арнасону, фундаментальной причиной крушения советской системы стала неудавшаяся попытка создания альтернативного модерна. С точки зрения этого социолога, советский коллапс был вызван целым комплексом экономических, политических и культурных факторов. Если в первой половине 1990-х гг. Арнасон использовал применительно к советской системе свою модель имперской модернизации, то в дальнейшем он в большей степени выделял цивилизационные аспекты исторической динамики советской версии модерна, в том числе ее крушения.

73

В отличие от СССР в Китае происходила постепенная трансформация коммунистической модели модерна. Вместе с тем в период после краха его советской версии наблюдался быстрый рост китайской экономики. Как демонстрируют работы исторических социологов, для адекватного объяснения причин возвышения Китая требуется обращение к сфере культуры. Особенностью Китая стало соединение мощного цивилизационного наследия с коммунистическим проектом альтернативного модерна. Согласно Арнасону, характерное для постмаоистского периода сочетание паттернов капиталистического развития, элементов марксистско-ленинской политической практики и идеологии, а также избирательного возрождения конфуцианского наследия и имперской традиции является уже чем-то большим, чем вариант советской модели. В то же время остается открытым вопрос о том, может ли сегодняшний Китай считаться примером альтернативного модерна.

Библиография / References

Арнасон Й. (2021) *Цивилизационные паттерны и исторические процессы*. М.: Новое литературное обозрение. EDN: OMAUNS

— Arnason J. (2021) *Civilizational Patterns and Historical Processes*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie. — in Russ.

Арнасон Й. (2022) Тоталитарный раскол: альтернативные модерности XX века. *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*, 1: 105–130. EDN: BUJUOC

— Arnason J. (2021) The Totalitarian Schism: Alternative Modernities of the 20th Century. *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture*, 1: 105–130. — in Russ.

Браславский Р., Масловский М. (2014) Цивилизационный анализ и советский модерн. *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*, 6: 45–55. EDN: VOFVDZ

— Braslavskiy R., Maslovskiy M. (2014) Civilizational Analysis and Soviet Modernity. *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o Politike i kul'ture*, 6: 45–55. — in Russ.

Дэвид-Фокс М. (2016) Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная? *Новое литературное обозрение*, 4: 19–44. EDN: ZCJGUR

— David-Fox M. (2016) Russian-Soviet Modernity: None, Shared, Alternative or Entangled? *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 4: 19–44. — in Russ.

Карасев Д. Ю. (2021) Реляционно-цивилизационный подход Й. Арнасона и глобальное измерение советского модерна. *Социологические исследования*, 9: 151–156. EDN: YHDGTQ. <https://doi.org/10.31857/S013216250016501-4>

— Karasev D.Yu. (2021) J. Arnason's Civilizational and Relational Analysis and Global Dimension of Soviet Modernity. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 9: 151–156. — in Russ. <https://doi.org/10.31857/S013216250016501-4>

Коллинз Р. (2008) Макросоциологическое предсказание: пример коллапса СССР. *Социологический журнал*, 3: 4–29. EDN: PFORYT

— Collins R. (2008) Prediction in Macrosociology: The Case of Soviet Collapse. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 3: 4–29. — in Russ.

Коткин С. (2018) *Предотвращенный Армагеддон. Распад Советского Союза, 1970–2000*. М.: Новое литературное обозрение.

— Kotkin S. (2018) *Armageddon Averted: The Soviet Collapse, 1970–2000*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie. — in Russ.

Крылова А. (2016) «Советская современность»: Стивен Коткин и парадоксы американской историографии. *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*, 4: 118–136. EDN: WYLKMF

— Krylova A. (2016) “Soviet Modernity”: Stephen Kotkin and the Paradoxes of American Historiography. *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture*, 4: 118–136. — in Russ.

Манн М. (2018) *Источники социальной власти: в 4 т. Т. 4. Глобализации, 1945–2011 годы*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. EDN: KRHAPJ

— Mann M. (2018) *The Sources of Social Power. Vol. 4. Globalizations, 1945–2011*. Moscow: RANKhiGS. — in Russ.

Масловский М. В. (2008) Неовеберовская историческая социология. *Социологические исследования*, 3: 119–126. EDN: IPJEHL

— Maslovskiy M. V. (2008) Neo-Weberian Historical Sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 3: 119–126. — in Russ.

Титаренко Л. Г. (2022) Восточноазиатский модерн в цивилизационной концепции Йохана Арнасона. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 25 (2): 80–95. EDN: APVZKR. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.25.2.4>

— Titarenko L. G. (2022) Eastern Asian Modernity in the Civilizational Conception of Johann Arnason. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, 25 (2): 80–95. — in Russ. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.25.2.4>

Юрчак А. (2014) *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. М.: Новое литературное обозрение.

— Yurchak A. (2014) *Everything Was Forever Until There Was No More: The Last Soviet Generation*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie. — in Russ.

Arnason J. (1993) *The Future that Failed: Origins and Destinies of the Soviet Model*. London: Routledge.

Arnason J. (2003) *Civilizations in Dispute: Historical Questions and Theoretical Traditions*. Leiden: Brill.

Arnason J. (2020) *The Labyrinth of Modernity: Horizons, Pathways and Mutations*. Lanham: Rowman and Littlefield.

Coker C. (2019) *The Rise of the Civilizational State*. Cambridge: Polity.

Collins R. (1986) *Weberian Sociological Theory*. Cambridge: Cambridge University Press.

Collins R. (2001) Civilizations as Zones of Prestige and Social Contact. *International Sociology*, 16 (3): 421–437. <https://doi.org/10.1177/026858001016003011>

Fitzpatrick S. (2007) Revisionism in Soviet History. *History and Theory*, 46 (4): 77–91. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2303.2007.00429.x>

Katzenstein P. (2012) China's Rise: Rupture, Return or Recombination? In P. Katzenstein (ed.) *Sinicization and the Rise of China: Civilizational Processes Beyond East and West*. Abingdon: Routledge: 1–38.

Kotkin S. (1995) *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press.

Maslovskiy M. (2023) Johann P. Arnason's Analysis of Communism and the Debate on Soviet Modernity. *International Journal of Social Imaginaries*, 2 (1): 26–46. <https://doi.org/10.1163/27727866-bja00024>

Pye L. (1992) *The Spirit of Chinese Politics*. Cambridge: Harvard University Press.

Rowley D. (2001) Interpretations of the End of the Soviet Union: Three Paradigms. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2 (2): 395–426. <https://doi.org/10.1353/kri.2008.0107>

Sakwa R. (2013) The Soviet Collapse: Contradictions and Neo-Modernization. *Journal of Eurasian Studies*, 4 (1): 65–77. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2012.07.003>

Spohn W. (2011) World History, Civilizational Analysis and Historical Sociology: Interpretations of Non-Western Civilizations in the Work of Johann Arnason. *European Journal of Social Theory*, 14 (1): 23–39. <https://doi.org/10.1177/1368431010394506>

Therborn G. (2021) States, Nations and Civilizations. *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*, 14 (2): 225–242. <https://doi.org/10.1007/s40647-020-00307-1>

Масловский Михаил Валентинович — доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация. Научные интересы: современные социологические теории, историческая социология, политическая социология.

ORCID: 0000-0002-1323-0935. E-mail: m.maslovskiy@socinst.ru

Mikhail V. Maslovskiy — Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Lead researcher, Sociological Institute of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St.-Petersburg, Russian Federation. Research interests: contemporary sociological theories, historical sociology, political sociology.

ORCID: 0000-0002-1323-0935. E-mail: m.maslovskiy@socinst.ru